

A dramatic landscape featuring a lighthouse on a cliff overlooking a turbulent sea. The lighthouse is a tall, cylindrical structure with a glowing light at the top, situated on a rocky outcrop. The sea is a deep blue-green color with white foam from the waves crashing against the rocks. The sky is a dark, overcast blue. The overall mood is somber and powerful.

Сергей Патрушев

Хранитель границы

Сергей Патрушев

Хранитель границы

<https://litres.ru/74083164>

SelfPub; 2026

Аннотация

Думал, что его дело — светить кораблями. Ошибался.

Семь лет одиночества на краю земли, на старом, продуваемом всеми ветрами маяке, приучили его к тишине. Однажды тишина сменилась гулом, идущим не извне, а из недр скалы.

В ту ночь маяк перестал быть просто маяком. Его свет обратился в сигнал, адресованный не морякам, а тем, кто таится в бездне под толщей океана. Хранитель понял: он не спаситель, он — пограничная стража, последний в роду тех, кто заключил древний Договор с существами, чей сон зовётся реальностью, а пробуждение означает конец всего.

Договор разорван. Из глубины поднимается сапфировое сияние, и вместе с ним — голос, не знающий слов, но вливающий в разум знание о том, что человечество — лишь рябь на поверхности чужой грёзы. Маяк больше не предупреждает об опасности. Он приветствует её. Единственный, кто может остановить надвигающийся кошмар, — человек с багровой меткой на руке, стоящий у разбитой Линзы и сжимающий в ладонях оружие.

Сергей Патрушев

Хранитель границы

Глава 1.

(Вдох. Медленный, протяжный, как шёпот прибоя в час отлива, когда море уходит, обнажая мокрый, блестящий песок и острые камни, хранящие в своих порах память о тысячах штормов. Выдох. Такой же долгий, почти неслышимый. Я сидел, скрестив ноги, на холодном каменном полу маяка, чувствуя затылком, спиной, всем своим существом тяжесть и мощь циклопической кладки, уходящей ввысь, в темноту, которую не мог рассеять даже свет моей единственной свечи. Вокруг меня, то проявляясь, то исчезая в колышущемся мраке, лежали мои инструменты. Не гаечные ключи и маслѐнки, к которым привыкли руки зрителя, а совсем другие, странные, пугающие своей чужеродностью даже меня самого. Астролябия, которой не место в руках человека, чей удел — следить за линзой. Тонкие, как паучьи лапки, циркули из неизвестного мне белого металла, мерцающего в полутьме болезненным, фосфоресцирующим светом. И свѐрнутые в тугие рулоны карты звѐздного неба, но таких звѐзд, каких я никогда не видел над холодными водами нашего моря. Я — Хранитель, и сегодня моя вахта. Но не та, к которой я привык за семь лет одиночества на краю земли. Сегодня я сторожу не свет, а Бездну, что подступает к самому порогу.

Моё убежище, старый, почти заброшенный маяк на мысе Скорби, дрожал. Не от ветра, который с привычной яростью бросал в толстые, запотевшие стёкла фонарного зала пригоршни солёных брызг. Дрожь исходила снизу, из самых недр скалы, на которой он стоял. Глубинная, утробная дрожь, от которой сводило зубы, а в костях зарождался холод, не имеющий ничего общего со стужей ночного океана. Пламя свечи рядом со мной испуганно металось, вытягиваясь в тонкую, дрожащую струну, и тени на стенах плясали безумный, завораживающий танец. Я положил ладонь на шершавый камень пола, пытаюсь унять его вибрацию, но та лишь усилилась, передаваясь в моё тело, заставляя сердце биться в унисон с этим чужеродным, нечеловеческим ритмом. Оно приближалось.

Я закрыл глаза, пытаюсь отрешиться от страха, который ледяными пальцами сжимал горло. Страх — плохой советчик в час Сияния. Так говорил мой предшественник, старый Эйнар, когда передавал мне это бремя три года назад. Его глаза, выцветшие от долгих лет созерцания моря и чего-то ещё, чего он никогда не называл вслух, смотрели тогда сквозь меня, в какую-то точку за моей спиной. «Ты будешь не просто зрителем, парень, — проскрипел он, сжимая мою руку своей сухой, птичьей лапой. — Ты будешь Хранителем Границы. И когда свет в Линзе начнёт меняться, когда

он перестанет быть просто светом и станет... зовом, ты должен быть здесь. Не для того, чтобы светить кораблям. Для них в эту ночь нет спасения в обычном свете. Ты должен светить Иному».

Тогда я не понял. Я думал, старик тронулся рассудком от долгого одиночества. Но в первую же ночь Сияния я понял всё. Понял, когда увидел, как из чёрной, маслянистой воды, в десятках миль от берега, начал подниматься свет. Не отражение луны, не фосфоресценция планктона. Это был ровный, потусторонний, сапфировый свет, льющийся из глубин, где не должно быть ничего живого. И тогда моя Линза, без моего участия, начала вращаться, отбрасывая в ночь не привычный жёлтый луч, а рассеянное, трепещущее сияние, сплетающееся в сложные, не поддающиеся разуму узоры. Я понял тогда, что мы не одни. Что под толщей вод, в разломах земной коры, куда не достигает взгляд человека, таится нечто. И мы, Хранители маяков, — не спасители моряков, а пограничная стража, подающая сигнал этому Нечто, удерживающая его от контакта, который стал бы гибелью для всего человеческого.

Сегодня был именно такой час. Час Границы. Я чувствовал, как истончается сама ткань реальности. Пространство в центре маяка, там, где стояла огромная, многогранная Линза Френеля, начало вести себя странно. Воздух стал плотным, вязким, как кисель. Звуки тонули в нём, не долетая до ушей.

Я видел, как с губ срывается пар от моего дыхания, но не слышал собственного голоса, когда попытался прочесть молитву. Свеча погасла, но тьма не наступила. Наоборот, пространство заполнил тот самый сапфировый свет, просачиваясь сквозь стены, сквозь камень, сквозь саму мою плоть. В этом свете было что-то болезненно-прекрасное и глубоко чуждое, как музыка, сыгранная на инструментах, сделанных из костей и льда. Свет пульсировал, дышал, и в его дыхании мне чудились образы — колоссальные, непостижимые уму сооружения на дне океанского желоба, спиральные лестницы, уходящие в ядро планеты, и тени, скользящие между ними. Тени, чьи очертания разум отказывался воспринимать, сворачиваясь в испуганный клубок.

Я поднялся. Ноги дрожали, но я заставил себя сделать шаг, другой. К Линзе. Мой долг — не просто наблюдать, но направлять. Старый Эйнар говорил, что Линза в такие часы — это глаз, смотрящий в оба мира. И я, Хранитель, должен быть его веком. Я должен моргнуть, если потребуется. Я положил руки на холодную бронзу основания. Металл обжигал холодом, мгновенно примораживая кожу. Но я терпел. Я смотрел сквозь хрустальные грани, и мир за ними преображался.

Моря больше не было. Был бесконечный, сияющий, переливающийся всеми оттенками синего и фиолетового провал.

Бездна. Не та, что пугает моряков своей темнотой, а Бездна света, живая и мыслящая. И в ней, на невообразимой глубине, я увидел Город. Он покоился на основании из кораллов и костей таких размеров, что наш маяк был бы лишь песчинкой в его фундаменте. Архитектура его была безумна — неевклидова, невозможная. Здания, казалось, росли из самих себя, изгибаясь под углами, которые причиняли физическую боль, когда я пытался сфокусировать на них взгляд. Они были сложены из чего-то, напоминающего чёрный перламутр, и от них исходило то самое Сияние Бездны, что дало название этим ночам. Свет сочился из окон, из шпилей, из самих стен, и в этом свете двигались фигуры. Сначала я принял их за рыб или каких-то глубоководных тварей, но вскоре с ужасающей ясностью осознал — они разумны. Их движения были полны осознанной, жуткой грации. Они парили в потоках света, не замечая меня, поглощённые своими делами, которые были так же далеки от человеческих, как жизнь звезды далека от жизни муравья.

В центре Города, над циклопическим зданием, похожим на храм или мавзолей, пульсировала огромная сфера чистого, слепящего сияния. Это был источник, сердце Бездны. И я знал, я чувствовал каждой клеткой своего тела, что именно с ним я и должен «говорить». Моя Линза — не усилитель, а переводчик. Она ловит импульсы из Города и модулирует их, превращая в сигналы, понятные... кому? Им? Или мне? Это

был диалог, длящийся тысячи лет. Диалог между теми, кто живёт во тьме и свете глубин, и теми, кто стоит на границе, на пороге. Цель диалога была проста и ужасна: соблюдение Договора. Договора о невмешательстве. Мы не лезем к ним, они не поднимаются к нам. И наша задача, задача Хранителей, — раз за разом подтверждать этот договор.

Я начал настройку. Мои руки, действуя словно сами по себе, потянулись к странным циркулям и астролябии. Я установил их на специальные отметки на карте, которую расстелил прямо на полу. Отметки, нанесённые не чернилами, а какой-то светящейся эссенцией, совпали с проекциями сияющих башен Города. Хрустальная Линза мелко задрожала, и от неё начали отделяться лучи, рисуя в воздухе прямо передо мной сложнейшую геометрическую фигуру. Это был Знак Подтверждения. Достаточно было направить на него сфокусированный свет, и ритуал будет завершён ещё на один цикл. Всё шло так же, как и в прошлые разы. Механизм, отлаженный веками, работал безукоризненно. Я уже протянул руку к рычагу, управляющему фокусом главного луча, чтобы послать ответный сигнал, как вдруг всё изменилось.

Знак, висевший в воздухе сотканным из света и воли, дрогнул. Его линии, до этого чёткие и острые, как грани алмаза, поплыли, искажаясь. Из Сияющей Сферы в центре Города вырвался протуберанец света, но не сапфирового,

а ядовито-багрового, цвета свернувшейся крови. Он змеёй метнулся вверх, пробивая толщи воды, и ударил в мою Линзу. Маяк содрогнулся так, что я упал на колени, едва не разбив голову о каменный пол. Боль пронзила виски, в глазах вспыхнули белые искры. Я услышал голос. Вернее, не голос, а прямое вливание смысла в мой разум, минуя слух. Он был скрежещущим, полным древней, нечеловеческой ярости и... боли.

«Мы не хотим больше ждать. Время Затмения близко. Договор расторгнут».

Слова эти, как раскалённые гвозди, впились в мой мозг. Я закричал, но не услышал собственного крика. Перед моим внутренним взором пронеслась череда образов, стремительных и чудовищных. Я увидел землю, корчащуюся в судорогах землетрясений. Увидел океаны, выходящие из берегов, сметающие прибрежные города, как карточные домики. Увидел небо, затянутое тучами, сквозь которые пробивался не солнечный, а тот самый, сапфировый, мёртвый свет. И увидел их. Существ из Бездны, поднимающихся на поверхность. Не в кошмарных, искажённых телах, а в сиянии, вселяясь в людей, выжигая их души, заменяя их собой. Это было не вторжение, а замена. Тихая, ползучая, неотвратимая.

«Ты, Хранитель Границы, ты передашь наш отказ. Ты —

свидетель».

Я попытался сопротивляться, сжать волю в кулак, заставить свои руки завершить обряд, послать Знак Подтверждения. Но тело больше не принадлежало мне. Я был лишь куклой, тряпичной игрушкой в руках невообразимой силы. Линза передо мной начала вращаться с бешеной скоростью, высекая из себя снопы холодных искр. Она больше не транслировала мой сигнал. Она впитывала их. Багровый свет из Бездны концентрировался в её сердце, напитывая хрусталь тёмной энергией. Я чувствовал, как мой собственный свет, свет моей души, тускнеет, вытесняемый этим чужеродным сиянием. Маяк переставал быть пограничным столбом. Он превращался в якорь. В маяк, который будет светить не для того, чтобы предупреждать, а для того, чтобы вести. Вести их к нам.

А затем всё стихло. Так же внезапно, как и началось. Дрожь ушла. Сапфировое и багровое сияние погасло. Линза остановилась. Тишина обрушилась на меня, тяжёлая и абсолютная, если не считать моего собственного, рваного дыхания. Я стоял на коленях в холодном, тёмном фонарном зале, освещённом лишь бледным светом луны, пробившимся сквозь рваные облака. Всё было как прежде. Астролябия и циркули валялись на полу, обычные куски металла без всякого признака жизни. Карта была чиста. Я с трудом поднял-

ся, чувствуя дикую слабость и пустоту внутри, как будто из меня выкачали весь воздух. Подошёл к окну. Море было спокойным. Предательски спокойным. Чёрная, маслянистая вода без единого гребешка пены простиралась до горизонта. Никакого сияния. Но я знал, что оно там.

Я поднёс дрожащую руку к лицу. На тыльной стороне ладони, там, где я касался бронзы Линзы, остался след. Тонкий, витой узор, светящийся в темноте тем же ядовито-багровым цветом. Не ожог, а скорее татуировка, вплавленная в кожу. Метка свидетеля. Метка того, кто не смог удержать границу. Я подошёл к Линзе. Её хрустальные грани, всегда такие прозрачные и чистые, теперь в самой сердцевине имели микроскопические, тёмные, дымчатые прожилки. Они шевелились. Медленно, как змеи в спячке, они извивались внутри твёрдого кристалла. Маяк был заражён. И я вместе с ним.

Где-то далеко, на материке, в тёплых, ничего не подозревающих городах, зажгутся огни. Люди сядут ужинать, читать книги, любить друг друга. Они не услышат беззвучного скрежета разорванного Договора. Они не увидят, как изменился свет далёкого маяка на мысе Скорби. Он стал чуть холоднее. Чуть... глубже. Он больше не предупреждает об опасности. Он её приветствует. И я, единственный, кто знает об этом, стою у огромного, спящего пока чудовищем глаза-линзы и

понимаю: Сияние Бездны больше не просто название. Это предзнаменование. Первая глава новой, страшной летописи, в которой человечеству уготована роль не хозяев, а исчезающей тени. И самое ужасное — я должен молчать. Ибо первое, что вложили они в мой разум вместе с приказом, — это блок. Как только я попытаюсь произнести или написать хоть слово правды, метка на моей руке вспыхнет, и я умру в корчах, так и не донеся предупреждения. Они хотят, чтобы всё случилось тихо. Во тьме, которая придёт после Сияния. Я — страж, который предал свой пост, даже не успев этого осознать. Я — глашатай конца, прикованный к башне-усилителю их воли. И единственное, что мне остаётся, — это ждать, глядя на чёрные, шевелящиеся прожилки в сердце света, и гадать, когда Затмение, обещанное ими, поглотит наш мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.